

63.3(2Рос-4ЕАЮ)

К 555

ОБ УСТРОЙСТВУ ТРУДЯЩИХСЯ ЕВРЕЕВ В СССР „ОЗЕТ“

Б. КОБЛЕНЦ

ВАЛДГЕЙМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЭМЕС“ МОСКВА 1934

423188

✓

63.3 (2Poc-4EAD) 8

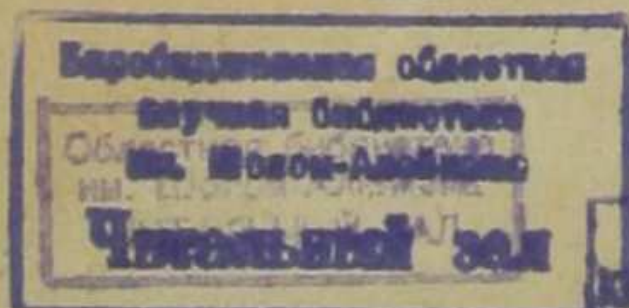
K 55

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ УСТРОЙСТВУ ТРУДЯЩИХСЯ ЕВРЕЕВ В СССР „ОЗЕТ“

Б. КОБЛЕНЦ

ВАЛДГЕЙМ

123188
192702

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЭМЕС“ МОСКВА 1934

Редактор Эйдельман Техред. Тененбаум. Сдано в производство
3/XII—33 г. Подписано к печати I/II—34 г. Бумага $72 \times 105 \frac{5}{32}$ п. л.
61000 п. зн. в п. л. „Эмес“ 286. Уп. Главлита В — 71330 Тираж 5 000.

Тип. изд-ва „Дер Эмес“, Москва, Покровка 9. Зак. № 979

В 1928 ГОДУ

28 апреля 1928 года на ст. Тихонькая, Уссурийской жел. дор., прибыли первые переселенцы — группа из 5 человек.

Старшим группы был Лейба Гефен. С ним были: жена, двое зятьев и приятель.

Тихонькая была тогда маленькой деревушкой: несколько избушек у железнодорожной станции. Прибыв в Тихонькую, первая группа переселенцев начала работать на ж.-д. станции, грузила доски и другие грузы...

Но это Гефену и его группе пришлось не по вкусу. Они приехали сюда заниматься земледелием, а не доски грузить. Начали искать подходящий участок для обработки.

Им сказали, что в 60 километрах от Тихонькой, в Бирефельде, есть вполне пригодный для земледелия участок. Им выдали лошадей, продовольствие, и они отправились в поиски пригодной для обработки земли.

По дороге из Тихонькой в Бирефельд группа пионеров лицом к лицу столкнулась с биробиджанскими трудностями.

На второй день их пребывания в пути небо расколосось и начало заливать их. Могучий ветер вырывал деревья с корнями; и без того изрытые ямами дороги еще больше размывало дождем. Подводы ломались, лошади и люди совершенно выбились из сил. В таежной глуши, у костра, ночью сидели измученные, насквозь промокшие люди — первая группа евреев-переселенцев в Биробиджан, грели у костра свои заоченевшие тела. Но воля их оставалась крепкой и непоколебимой. И как

только на востоке показалась первая полоса рассвета они стали чинить подводы и, несмотря на дождь, пере-межавшийся со снегом, группа двинулась дальше.

Третий день в пути встретил их еще большими трудностями. Снег и ветер ни на минуту не утихали. И когда они почти уже достигли цели, когда от цели их отделяли последние километры, когда люди и кони напрягали свои последние силы, бурлящая река отрезала им дальнейший путь. Парома нет. Его давно снесло бурно-мчащимся потоком. Всего 5 километров отделяли переселенцев от цели. Сердце каждого уже предчувствовало радостную минуту отдыха, и вдруг эта узкая, бурная река заградила им путь. Злобу и ненависть к этой реке почувствовали первые переселенцы.

Лейба Гефен тоскливым взглядом окинул противоположный берег реки, повернул голову назад, вспомнил только-что проделанный путь, три дня мучений, еще раз повернул голову в сторону реки, внимательно оглядел бурно-мчащиеся воды и словно командир конного эскадрона приподнялся, потянул возжей и командовал:

— Вперед!

Вслед за первой, окунулась в бурную реку вторая подвода.

Уже на другом берегу, когда шум стремительного потока остался за плечами, Гефен и его товарищи с удивлением оглядывались назад и никак не могли понять, как это они не остались в реке, как это бурный поток не опрокинул коней и подводы с переселенцами — пионерами Биробиджана.

Но напрасными оказались все их мучения, весь длительный путь. На 60-м километре пионеры не нашли того, что искали. Им не понравилось это место. И ни с чем вернулись они в Тихонькую.

Приехали в Тихонькую и... снова начали искать.

Начальник переселенческого отдела указал им еще одно место, где можно найти пригодную для обработ-

ки землю, где проектировалось строительство поселка, всего в 12 километрах от Тихонькой.

✓ Поехали туда.

Приехали и нашли дику бесконечную тайгу, небо со всех концов сливающееся с лесом. ✓

Лейбе Гефену это место очень понравилось. Среди дикой таежной глуши нашел он большую ровную площадь, на которой можно выстроить поселок и подготовить землю к посеву. Лейба Гефен понял, что лес можно вырубить, пни выкорчевать. Он даже острил, Лейба Гефен. Поселок — говорил он — нужно строить только в тайге, потому, что это «большая экономия», не нужно стройматериала искать. Срубил дерево и прямо на клеть, на сруб... Остальные были в меньшем восторге от тайги, очень сомневались, боялись, что сил не хватит...

После долгого раздумья, после долгих споров группа решила остановиться на этом таежном участке, теперешнем «Валдгейме».

Приехали в Тихонькую с этим окончательным решением.

В тайгу переселенцы приехали 27 мая 1928 года. Поставили шалаши. Каждая группа поставила для себя шалаш. Сейчас же все группы приступили к рубке леса, начали заготавливать лесоматериалы, очищать площадь и строить дома.

В группе Гефена вскоре появились недовольные. Двоим захотелось обратно домой. Они испугались тайги, комаров...

Но Лейба Гефен делал все возможное, чтобы сплотить свою группу, чтобы люди не разбрелись. Группа начала строить дома и раньше всего для недовольных, чтобы связать их таким образом с новой родиной.

Так проработала группа до 20 июля. Заготавливали лес, очищали площадку, выводили стены. 20 июля начался дождь, который лил, не переставая, 7 суток.

Началось наводнение.

Когда дождь еще только начался, Гефен пошел в Тихонькую и не мог потом возвратиться. У группы кончились запасы продовольствия... Как только вода убыла, товарищи Гефена, бросив все, прибежали в Тихонькую. Построенные ими мосты снесло, сено смыло.

С большим трудом удалось Гефену уговорить товарищей вернуться. Но он их уговорил и все вернулись в тайгу.

Проработали десять дней и снова дожди. Невыносимо стали надоедать комары; приходилось устанавливать дымокуры и таким образом защищаться от них.

Особенно тяжелой и мучительной запомнилась пионерам Валдгейма одна августовская ночь. Лил проливной дождь, трава насквозь промокла. Не из чего было соорудить дымокур, люди валялись промокшими, измученными, безжалостно терзаемые комарами.

Снова началось недовольство в группе Гефена, на завтра один из коллектива удрал... Из других коллективов также сбежали слабые волей и духом... Но оставшиеся еще упорнее продолжали рубить лес, корчевать пни и строить дома...

НА МЕСТАХ ВЫХОДА

✓ В то время, когда пионеры-переселенцы зубами вырывали у тайги клочки земли и строили первые дома поселка «Валдгейм», в Витебске и Смоленске их жены начали знакомиться между собой и сближаться.

Когда одна из жен получала от своего мужа письмо, то оно ходило по рукам всех «биробиджанок». А письма эти были бодрыми, веселыми, многообещающими.

Так сговорились между собою пионеры Биробиджана: не писать домой печальных вестей, а наоборот...

✓ Пионеры решили, как только будут готовы первые дома, сейчас же затребовать к себе семьи, ибо до тех пор, пока семьи в Витебске и Смоленске, они только одной ногой в Биробиджане.

Хьена Рубинчик была одной из первых, которая подхватила вестъ о Биробиджане и согласилась с поездкой мужа с первой группой переселенцев. Хьене надоели «случайные» заработки мужа. Еще больше надоело ей имя торговли, ставшее худшим ругательным словом. Она рвалась к новой трудовой жизни и, когда пришла вестъ о Биробиджане, ухватилась за нее, как за единственное спасение:

— Там, за 9 тысяч километров, в тайге начать новую, трудовую жизнь... Такова была мечта Хьены.

Когда Рубинчик уехал в Биробиджан, Хьена рассчитывала, что расстанется с мужем на 2 года; как-нибудь надеялась она прожить эти два года. Но уже из первых полученных от мужа писем, увидела, что ошиблась.

Письма Рубинчика были бодрыми, веселыми, зовущими в Биробиджан.

Письма говорили о том, что все уже подготовлено, что имеется земля, лес, вода. Нужен только упорный труд...

✓ — Комары, — писал Рубинчик, — счастливое явление. Это они охраняли Биробиджан для нас, переселенцев, не будь их, местность эта давно была бы уже занята. ✓

Очень много писали пионеры-переселенцы своим женам о биробиджанской природе. Все это вместе взятое объединило жен единой волей и желанием организовать совместную поездку к мужьям.

Хьена Рубинчик ждала мужа, надеясь, что он придет за ней, так как ей самой, женщине с четырьмя детьми, было страшно пуститься в такой далекий путь.

Но Рубинчик писал, что приехать он сейчас никак не может. Хьена все же решила во что бы то ни стало поехать. Она ни за что не хотела больше оставаться, так как это, по ее мнению, означало «взять Рубинчика на удочку и тянуть его назад», а этого она не могла допустить.

В октябре 1928 года 6 женщин с 22 детьми уехали к мужьям и отцам в Биробиджан. Поездка длилась с

месяц. Трижды приходилось пересаживаться с одного поезда в другой. Целый месяц приходилось жить в вагоне, кормить детей, стирать и сушить пеленки...

Съестные припасы взяли с собой на две недели, а ехали месяц. Положение стало напряженным, поддерживало переселенок сознание, что они едут домой, к мужьям и отцам. Ехали веселой оравой с песнями, с радостью.

Поезд с семьями прибыл в Облучье, что в пяти часах езды от Биробиджана. Продовольствие кончилось. Дети голодали и, к несчастью, сообщили переселенцам, что здесь их вагон отцепят...

Измученные женщины были близки к отчаянию.

— Папа, папа!—вдруг закричал ребенок, стоявший, прислонясь к окну.

Все бросились к окну и увидели своих отцов и мужей, которые выехали встречать свои семьи в Облучье.

Облучье наверное никогда не видело такой встречи. Пионеры Биробиджана приехали встречать свои семьи с хлебом, колбасой, маслом и другой едой. И в Облучье был большой праздник для переселенческих семей.

К концу октября пионеры-переселенцы ввели своих жен и детей в первые выстроенные дома нового поселка.

„НИ ШАГУ НАЗАД“

Много переселенцев уже пропустил Биробиджан. Люди приезжали и уезжали, люди легко приезжали и еще легче уезжали.

Но в Биробиджане имеется крепкий костяк, который прочно закрепился на месте и навсегда связал свою судьбу с судьбой Биробиджана. Вот этот костяк, который растет из года в год, является той творческой силой, которая выстроит социалистический Биробиджан для трудящихся евреев.

— Слишком много труда,— говорит Лейба Гефен,— я вложил сюда, в эту тайгу, в Валдгейм, чтобы я мог даже думать об уходе отсюда.

— Двух детей я здесь лишилась,— говорит Хьена Рубинчик,— могу ли я после этого думать о другой родине; тайга, которая потребовала столько труда, пота и жизни, нас навсегда связала с собой. Принесенные жертвы оправдают себя,—они уже оправдывают себя...

„ВАЛДГЕЙМ“ В 1933 г.

Название «Валдгейм» («Дом в лесу»), которое вполне соответствовало первому периоду строительства поселка, которое так удачно освещает период овладения тайгой, период строительства родины в лесу, период, когда густые деревья скрывали под тенью своих ветвей первые дома поселка,—это название сейчас уже представляет собою историю, прошлое. Это название уже не отображает настоящей, сегодняшней действительности.

✓ Между прошлым лесом и нынешним поселком — резкая грань. Жизнь и пятилетний ударный труд прогнали тайгу, лес, на десятки километров. Только пни обрубленных деревьев в окрестности напоминают о прошлом этого поселка. Но и эти пни выкорчевываются, сравниваются, и на их месте вырастают поля и огороды.

Вместе с лесом ушел и волк, медведь и дикий кабан. Вместе с лугами, полями и огородами пришли корова, конь, свинья, курица и кролик. ✓

5 лет, и название «Валдгейм» стало историческим. Дорога от Тихонькой в Валдгейм является лучшей утрамбованной дорогой в Биробиджане. Эта дорога — рожденное в тайге детище первой пятилетки. На 12-м километре вас встречает красная арка, с которой с гордостью смотрит пятиконечная звезда над развевающимся красным знаменем.

Арка — это ворота Валдгейма. За аркой начинаются две шеренги домов, которые образуют длинную, широкую улицу. В стороне видна еще одна улица, которая кончается вдали новыми, еще незаконченными крышами строящихся домов.

Валдгейм один из лучших переселенческих колхозов Биробиджанского района. Колхоз Валдгейм занимается огородничеством, скотоводством, свиноводством и пчеловодством; в Валдгейме имеется крупное парниково-оранжерейное хозяйство, кирпичный завод, швейная мастерская и чулочная артель. Все эти отрасли хозяйства построены на прочном фундаменте. Свиноарник, конюшня и коровники поражают своей чистотой и порядком. Все строения капитальные, теплые, светлые и просторные.

В каждой хозяйственной постройке — свой колодезь. Это освободило колхозников от необходимости таскать воду издалека. Оранжерейное хозяйство 15-го марта уже вывезло на колхозный рынок щавель и редиску. На дворе трещит 45-градусный мороз, а в оранжерее пахнет весной. Теплый воздух смешан с запахом свежих овощей — редисок, огурцов, укропа. Сквозь стеклянную крышу солнце согревает своими лучами молоденькие, свежие, зеленые овощные ростки.

На пасеке в ульях жужжат словно аэропланы, 160 пчелиных роев. Столько же и в другой пасеке.

— До четырех пудов мы можем получить с каждого улья, — говорит нам на ухо, чтобы пчел не перепугать, бригадир пчельника тов. Школьник — переселенец 1928 года, — а таких ульев у нас 320.

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

Плохим годом был для Валдгейма 1932 год. Половодьем затопило почти весь урожай. Из-за наводнения пчелы не дали меда, колхоз остался без корма для скота, без коров, лошадей и свиней.

В условиях единоличного хозяйства ни что не уцелело бы при таком стихийном бедствии, и поселок был бы стерт с лица земли. Колхоз же Валдгейм хоть и пошатнулся, но крепко остался стоять на ногах и скоро начал приходить в себя.

Но последствия наводнения до сих пор еще дают себя чувствовать. До наводнения, на 1-ое июня 1932 года, Валдгейм имел 325 коров, а на 1933 г. с трудом едва сохранилось 70 коров. До наводнения было 108 лошадей—а осталось 27. Свиней осталось около 80 из 260.

После наводнения колхоз Валдгейм выглядел обессиленным, истощенным, но бодрым и с уцелевшим костяком.

— Были бы кости, мясо наростет,—говорит 65-летняя колхозница, мать пионера-переселенца Безносого, который одним из первых вступил в борьбу с дикой тайгой.

РАСПЛАТА ЗА БЕСПЛАНОВОСТЬ

Организация хозяйства в Валдгейме была неправильной, и это обусловило то, что последствия наводнения еще сильнее чувствовались.

Валдгейм не занимался серьезно вопросом создания собственной продовольственной и кормовой базы.

Валдгейм на известном этапе сдал позиции в овладении новыми землями, и это отчаянно сказалось на росте хозяйства.

До 1930 года переселенцы буквально руками выкорчевали 111 гектар, а с 1930 началось отставание на этом важнейшем для Валдгейма участке. В 1931 году прибавилось только 9 га, а в 1932 году еще 16 га.

В это же время форсированным темпом шло развитие скотоводства, свиноводства и коневодства. Росло

количество скота, нуждающегося в корме, а кормовой базы, которая обеспечила бы этот корм, не было.

В 1930 году при 111 га освоенной земли в Валдгейме было 27 коров и 34 лошади, в 1931 году при 120 га уже было 160 коров и 74 лошади, а в 1932 году при 136 га было уже 325 коров и 108 лошадей.

Быстрый рост животноводческого хозяйства при незначительном росте посевной площади не мог не привести к большому прорыву. Этот прорыв особенно сильно дал себя чувствовать, когда он совпал с стихийным бедствием—наводнением.

Таков результат плохого планирования и хозяйничания прежнего руководства Биробиджана, за плечами которого орудовал и планировал классовый враг.

ВОПРОСЫ ОТСЕВА

Важным и ответственным вопросом для Валдгейма, как и для всего Биробиджана, является вопрос отсева переселенцев.

Рост населения в Валдгейме характеризуется следующими цифрами:

Годы	Число семей	Число едоков
1931	96	307
1932	137	505
1933	155	584

Несмотря на рост населения Валдгейма, налицо такие показатели, которые заставляют задумываться над вопросом заселения Валдгейма.

Характерны в этом отношении цифры о числе прибывших за последние годы переселенцев и размере отсева (см. таблицу на стр. 13):

Цифры эти показывают, что отсев растет, и важнейшей задачей является установить его причины, дабы своевременно их ликвидировать.

Какие были и какие имеются в настоящее время причины отсева?

Годы	Прибыло едоков	Убыло едоков	Процент отсева
1930	391	183	44,9
1931	589	391	66,3
1932	651	573	87,6

Причины различные.

Во-первых, иногда присылают больных, физически слабых людей, которые не только неспособны выполнять тяжелые сельскохозяйственные работы, но вообще непригодны к физическому труду. Само собой разумеется, что такие переселенцы или вообще не приступают к работе, или же выбиваются из сил на следующий же день. Эти переселенцы уезжают обратно; в этом виноваты работники вербовочных пунктов, которые посылают неподходящие для переселения контингенты.

Во-вторых, то, что присылают большие семьи переселенцев с одним трудоспособным. Как бы этот колхозник ни старался и ни выбивался из сил, все равно он один не в силах заработать на содержание большой семьи.

Вот например, переселенец Резник, имеет семью в 6 душ, из них 5 иждивенцев, а он один трудоспособный. Резник работает ударно, является бригадиром огорода, вырабатывает $1\frac{3}{4}$ трудодня в день, что в 1932 г. составляло приблизительно 3 руб. 50 коп. Но чтобы прокормить семью, он должен ежедневно уплачивать за 6 обедов в колхозной столовой 6 раз по 70 к., т. е. 4 руб. 20 коп. Ясно, что такая семья не может остаться в колхозе.

Вина опять-таки падает на вербовочные пункты, откуда направляют таких многосемейных при одном трудоспособном в колхоз.

В-третьих, имеются в колхозе ремесленники: сапожники, портные и т. п. Они мастера своего дела. В каче-

стве сапожников или портных они зарабатывают 1,75 трудодней в день, но в колхозе нет такой потребности в этой работе, чтобы дать этим сапожникам или портным полную нагрузку, и в результате они в среднем вырабатывают половину трудодня в день. К другой работе они не приспособлены, физически слабы, и им приходится с семьей жить в тяжелых условиях, отчего они и уезжают. В сапожной или портняжной артели или на фабрике, они бы хорошо зарабатывали и легко прокармливали свои семьи.

Здесь уже вина падает на самотек в распределении переселенцев в самом Биробиджане. Этот недостаток занимает почетное место среди причин отсева.

В большом отсеве 1932 и начала 33 года решающую роль играло без сомнения стихийное бедствие, наводнение. Множество переселенцев вынуждено было зарезать своих свиней, коров. Огороды не дали ничего, возникли трудности с питанием и т. д.

Все вместе взятое, плюс неудовлетворительное состояние политмассовой работы среди переселенцев, непонимание и нежелание многих районных работников бороться за закрепление каждого переселенца, привело к большому отсеву, к напрасной трате миллионов рублей.

КОЛХОЗНИКИ, КОТОРЫЕ УЖЕ СТАЛИ ЗАЖИТОЧНЫМИ

Валдгейм—один из наиболее благоустроенных поселков в Биробиджане. Жилые помещения выстроены прочно, чего нельзя сказать о жилищах в других заселенных переселенцами пунктах Биробиджана. Население Валдгейма живет просторно, почти каждая семья, как правило, имеет по 1—2 комнаты. Пионеры Биробиджана, все те, которые приехали в 1928—29 гг., имеют отдельные дома из трех комнат и кухни. Заходя в такой дом, вы чувствуете, что здесь живет колхозник, который приближается к уровню зажиточности, тому уровню, на который указал тов. Сталин, как на ближайшую задачу социалистического сельского хозяй-

ства. Столы, шкафы, зеркала, комнатные цветы, белые скатерти, занавески на окнах. В сарае—корова, свиньи, куры—такой баланс подводят на сегодняшний день пионеры Валдгейма. Стихийное бедствие коснулось и их, но они все-таки прочно стоят на ногах.

15 семей из 155, которые находятся в Вальдгейме, влачат жалкое существование, но это те семьи, которых не надо было бы посылать в Биробиджан.

РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Валдгейм может гордиться действительным раскрепощением женщин. В Валдгейме женщина в полном смысле слова освободилась от гнета кухни. В колхозе имеется прекрасно оборудованная столовая, которая снабжает пищей колхозников три раза в день.

Колхозница свободна от ухода за своим ребенком, от стирки пеленок,—имеется хорошо обставленный детский сад, который занимает пять комнат. Имеются также детские ясли.

Все это дает возможность большинству женщин выполнять разнообразные производственные работы наравне с мужчинами, и они это делают с радостью и гордостью.

Для политпросветработы Валдгейм имеет просторный клуб с зрительным залом на 300 мест.

ВАЛДГЕЙМ НАКАНУНЕ ВЕСЕННЕГО СЕВА

Валдгейм больше других переселенческих колхозов мог принять новых переселенцев. Имеется ряд законченных помещений и ряд домов, которые надо закончить. Валдгейм лучше других колхозов готов был к весеннему севу; динамитом взрывали пни на вновь подготовляемых полях; инвентарь своевременно ремонтировали, и он стоял под хорошим капитальным навесом, который защищал его от снега и дождя.

Плохо было дело с рабочим скотом. Осталось всего лишь 27 лошадей, вместо 108 в прошлом году. Вид ко-

нюшни — осиротелый. Оставшиеся надписи у стойл: «Орел», «Авангард», «Артист», «Красавец» и другие производили впечатление памятников павшим героям.

Восстановление конного парка являлось важнейшей задачей для Валдгейма.

УДАРНО ПРОВЕДЕННЫЙ ВЕСЕННИЙ СЕВ

И 1933 г. во всем Биробиджане, а, следовательно, и в Валдгейме превратился в переломный год во всех отраслях работы.

Смена районного руководства, прибытие 3 политотделов в МТС и совхоз и новых испытанных работников ободряюще повлияло на широкие массы рабочих и колхозников Биробиджана.

Канцелярско-бюрократический метод руководства, господствовавший здесь раньше, сменился оперативно-массовым методом руководства. Начали разворачиваться соцсоревнование и ударничество. Число ударников начало расти. Результаты чувствовались на каждом шагу.

Огромный энтузиазм охватил колхозников, старых и новых, женщин и мужчин — все ринулись в бой за осуществление лозунга тов. Сталина о большевистских колхозах и зажиточных колхозниках.

В Валдгейме организовалась бригада из женщин-делегаток во главе с т. Ребицкой. Бригада, которая состояла из 12-ти человек, вместо 20 по плану, показала образцы исключительной преданности и ударной работы.

5-го июня бригада Ребицкой досрочно, за 22 дня, вместо 41, закончила сев на своих 12 га огорода. План засева парниковых рам бригада Ребицкой выполнила на 159%. Вместо 202 рам, бригада заложила 332 рамы, и это было сделано раньше намеченного срока на два дня. Вместо 202 трудодней, бригада выполнила работу в 152 дня.

Эти победы не случайные.

Каждый вечер бригада проводила десятиминутные производственные совещания. На этих совещаниях подытоживалась работа за день и намечалась работа на завтрашний день.

Очень часто в бригаде проводились беседы и читки на актуальнейшие темы колхозного строительства. Каждый три дня выходили стенгазеты. Благодаря широко развитой массовой работе, бригада под руководством Ребицкой добилась того, что 90% участников ее являются ударниками. Бригада выгнала из своих рядов всех лентяев, симулянтов, которые не поддавались перевоспитанию.

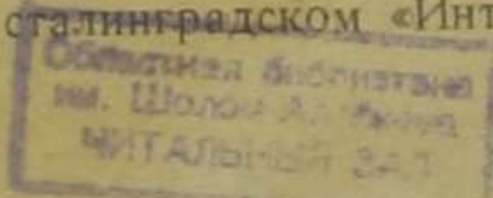
Как только бригада окончила работу на огороде, она тотчас же по-ударному переключилась на прополочную кампанию, одновременно бригада выставила встречный план на посев 1 га помидоров и сразу же приступила к выполнению этого встречного плана. Колхозницы Вальдгейма выдвинулись в передовые ряды в борьбе за продовольственную базу, за ликвидацию последствий плохого планирования старого оппортунистического руководства в Биробиджане.

ШТУРМ ТРАКТОРИСТОВ

Темпы весеннего сева в Вальдгейме вначале были отмечены как неудовлетворительные. 8-го июня на массиве состоялось комсомольское собрание, на котором был объявлен штурм. Трактористы заключили между собой соцдоговора. Каждый тракторист взял на себя определенное обязательство. Они начали работать круглые сутки.

Результаты штурма и соцсоревнования сразу дали себя чувствовать. Вместо прежнего систематического невыполнения норм тракторами—все чаще имело место перевыполнение нормы.

11-го июля тракторист т. Гозенпуд на тракторе «Клетрак» выполнил норму на 140%, т. Зинтайх выполнил на сталинградском «Интере» норму сева на 100%

Всюду, во всех уголках, во всех отраслях работы чувствовался проводимый штурм. Регулярно начала выходить стенгазета, которая освещала значение и ход штурма; у газеты собирались толпы колхозников; они оживленно читали и комментировали заметки о работе каждого в отдельности. И кооперация включилась в штурм и вынесла свои товары на поле, к бригадам, во время обеденных перерывов.

Все пошли на штурм. Темпы работы нарастали с каждым часом.

ЛЕЙБА ГЕФЕН НА ТРИБУНЕ

В конце июля 1933 года в г. Биробиджане (б. ст. Тихонькая) происходил районный слет колхозников-ударников.

В отличие от ранее проведенных трех слетов на этом слете не слышно было со стороны руководителей сногшибательных рапортов о «грандиозных» достижениях.

Новое, большевистское руководство, несмотря на наличие значительных достижений, сконцентрировало внимание массы на недостатках работы во время сева.

После доклада секретаря райпарткома, слет заслушал 25 «содокладов» лучших ударников передовых колхозов.

На трибуне встретились два старых ударника: 60-летний Юн-Пей-Гу из корейского колхоза «Карл Либкнехт» и наш старый знакомый, биробиджанский пионер, 55-летний колхозник из Валдгейма, Лейба Гефен.

Вот стоят они друг против друга—два ударника.

Лейба Гефен рассказывает о своей работе во время сева, о трудностях, которые пришлось преодолеть колхозу Валдгейм. Сеялка стала,—рассказывает Гефен,—времени мало, каждая минута дорога. Взял я через голову на ремень лукошко с семенами и пошел руками сеять, и засеял больше, чем два молодых вместе...

Лейба Гефен обещает в уборку еще лучше работать и показать молодежи, как нужно работать...

— Вызываю на соцсоревнование моего товарища из колхоза «К. Либкнехт» — Юн-Пей-Гу.

Юн-Пей-Гу не понимает еврейского языка. Лицо его остается неподвижным, ему переводят вызов Гефена на русский язык. Юн-Пей-Гу не понимает русского языка. Холодным и спокойным остается его лицо.

Тогда передают ему по-корейски гефенскую речь. Шире и мягче становится лицо Юн-Пей-Гу, в его узких глазах зажигается огонек, и по старому лицу расплывается теплая улыбка.

Юн-Пей-Гу отвечает по-корейски:

— Мой колхоз хорошо сеял и победил. У меня уже наработанных 200 трудодней, во время уборки буду работать еще лучше, вызов Лейбы Гефена принимаю...

Так был заключен договор на соцсоревнование между двумя ударниками биробиджанских социалистических полей, между еврейским колхозником Лейбой Гефеном и корейским колхозником Юн-Пей-Гу.

Теплое чувство интернациональной солидарности и братства охватило всех присутствовавших и бурно прорвалось громом аплодисментов...

КЛАССОВЫЙ ВРАГ ЕЩЕ ДЫШЕТ

Валдгейм добился перелома, сломив попытки сопротивления со стороны остатков кулацких и спекулянтских элементов. А попыток к сопротивлению, попыток к срыву работы было не мало.

В самый разгар сева чья-то вредительская рука уничтожила 6 ульев, в тот же день из бочек, стоявших у колодца, вылили воду для того, чтобы бочки потрескались.

Втихомолку, в то время, когда колхозники боролись в поле за сытую, зажиточную жизнь, вредительская рука пыталась подорвать колхозное состояние.

Недостаточная классовая бдительность при вербовке переселенцев тоже дала себя знать.

Весною приехали в колхоз три переселенца: Бренер, Кенис и Чернер и в первые же дни своего пребывания в колхозе показали свое подлинное классовое лицо.

Поставили их на корчевку, но не успели они еще приступить к работе, как начали кряхтеть и охать, что работа тяжелее каторжной...

Стоило только бригадиру заметить этим типам, что они не лучше других, и что нужно не крутиться, а работать, как Кенис чуть не избил бригадира, крича: «новые эксплуататоры появились»...

Эти элементы выброшены из колхоза по категорическому требованию колхозников Валдгейма.

Очищаясь в процессе работы от классово-чуждых, кулацких и разложившихся элементов, Валдгейм уверенно шагает к победе.

БИРОБИДЖАН БУДЕТ ПОСТРОЕН

Последние полгода строительства Биробиджана, когда во главе строительства стоит новое руководство, когда в районе работают политотделы, самым категорическим образом опрокинули все оппортунистические капитулянтские теории о нереальности Биробиджанского строительства, о непреодолимых трудностях, о необходимости свертывания работ.

Ликвидирован рекордсменский Биробиджан, район «трестов» и «комбинатов» в разгоряченных головах левацких фразеров, зато закреплён настоящий социалистический Биробиджан — район совхозов, колхозов и предприятий.

Биробиджан вышел на путь нормального развития большевистскими темпами без воздушных замков.

Только слепые политики и враги могут отказ от шумихи рассматривать, как свертывание работы, как сужение планов.

Валдгейм — его история, его настоящее, его будущее является лучшим доказательством безусловной победы над основными трудностями.

Биробиджан может, должен и будет построен.

Цена ~~26~~ 3 коп.

70 руб.

6896